

Лочехина Л.И. Связь посттравматического стресса с интеллектом и смысло-ценностными ориентациями

English version: [Lochekhina L.I. The connection of posttraumatic stress with intelligence, personal values and meanings](#)

Кадровое агентство «Центр "ПРОФИТ"», Архангельск; Институт психологии Российской академии наук, Москва; Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Изучаются взаимосвязи посттравматического стресса с интеллектом и смысло-ценностными ориентациями у ветеранов боевых действий с различным уровнем нейротизма (155 человек). Показано, что негативная эмоциональность (нейротизм) играет ведущую роль в формировании посттравматического стресса по сравнению с ситуационными факторами. Уровень нейротизма опосредует взаимосвязь интеллектуальных и субъектных характеристик с выраженностью посттравматического стресса: лицам с высокой негативной эмоциональностью для совладания с травмой требуется больше когнитивных, личностных и смысловых ресурсов, нежели лицам с невысоким уровнем нейротизма.

Ключевые слова: посттравматический стресс, интеллект, нейротизм, тяжесть боевой травмы, смысложизненные ориентации, ценностные ориентации, боевые действия

Жизнь в современном обществе сопряжена с высоким риском стрессогенных влияний. Все чаще человек вынужденно сталкивается с природными стихиями, техногенными катастрофами, террористической угрозой. Показано, что психологические последствия воздействия на человека экстремальных ситуаций проявляются континуумом, представляющим различные виды и степени психической дезадаптации, одной из которых является посттравматический стресс [Тарабрина, 2008]. Одним из наиболее тяжелых стрессоров по силе своего воздействия и характеру проявления негативных последствий является участие в боевых операциях. Отмечается, что совладание с боевой травмой представляет собой сложный процесс, последствия которого различны: от полной социальной и психической дезадаптации до формирования определенной жизненной мудрости, уникальной системы нравственных ценностей и значительного конструктивного потенциала, реализуемого с максимальной пользой для социума [Соловьев, 2000]. Е.О.Лазебная вводит понятие посттравматической стрессовой адаптации как интрапсихического процесса, задачей которого является воссоздание разрушенного внутреннего мира человека, системы его основных жизненных ценностей и связей с окружающим миром [Лазебная, 2007].

Одно из современных направлений в развитии теории психологического стресса связано с понятием психологического ресурса. Ресурсы являются теми физическими и духовными возможностями человека, мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса [Бодров, 2006]. Процесс совладания с психической травмой требует сложной системы взаимосвязанных ресурсов: личностных, социальных, психологических, профессиональных, физических и материальных. В настоящем исследовании изучалась роль личностных свойств (в частности, нейротизма), интеллекта и субъектных характеристик в совладании с посттравматическим стрессом.

Известно, что восприятие того или иного психологического воздействия как стрессового, непосредственная или отдаленная реакция на это воздействие, механизмы совладания с психической травмой во многом зависят от индивидуально-личностных особенностей человека [Тарабрина, 2003]. В частности, Айзенк в своей модели обусловливания неврозов показал, что у людей с высоким нейротизмом и низкой экстраверсией существует большая предрасположенность к неврозам, так как они сильнее реагируют на эмоционально возбуждающие стимулы и дольше сопротивляются угасанию этих реакций [Айзенк, 1999]. Ряд исследователей, изучая возможность прогнозирования ПТСР на основе личностных черт, пришли к выводу, что менее подвержены влиянию травмы активные, энергичные, устойчивые и выносливые люди. А те, кто имеет высокие показатели по нейротизму и интроверсии, сильнее реагируют на травму [Pitman, Shalev, Orr, 1999].

Посттравматический стресс – многоаспектный и многоуровневый феномен [Тарабрина, 2003], и в его формировании принимают участие не только эмоциональные, но и когнитивные и ценностные характеристики. Говоря о соотношении мышления и эмоций, С.Л.Рубинштейн утверждал, что эмоциональное самочувствие мыслящего субъекта связано с динамикой мыслительного процесса. Эмоции человека представляют собой единство эмоционального и интеллектуального, так же как познавательные процессы обычно образуют единство интеллектуального и эмоционального. С.Л.Рубинштейн отмечал, что в норме сознательная познавательная интеллектуальная деятельность тормозит эмоциональное возбуждение, придавая ему направленность и избирательность; при аффектах, то есть при сверхинтенсивном эмоциональном возбуждении, избирательная направленность действий нарушается и возможна импульсивная непредсказуемость поведения [Рубинштейн, 2006].

Когда говорят об интеллекте как некоторой способности, то в первую очередь опираются на его адаптационное значение для человека. Штерн считал, что интеллект есть общая способность приспособления к новым жизненным условиям. По Ж.Пиаже, развитый интеллект проявляется в универсальной адаптивности, в достижении «равновесия» индивида со средой. Согласно Стернбергу, по отношению к внешнему миру интеллектуальное поведение может выражаться в адаптации, выборе внешней

среды или ее преобразовании.

Данные зарубежных исследований показывают, что чем выше уровень интеллекта, тем меньше вероятность развития посттравматического стресса [Macklin et al., 1998; Saign et al., 2006; McNally, 2006; Hart, 2008]. Интеллектуальные способности позволяют осмыслить травматический опыт в индивидуальном ключе как полезный и интегрировать его в структуру личности [Вигура, Львов, 2003]. Алекс Линли отводит важную роль мудрости в процессе совладания с травматической ситуацией, а также рассматривает ее в качестве возможного следствия позитивной адаптации субъекта к травме [Linley, 2003].

В отечественной психологии интеллект также занимает одно из центральных мест среди потенциалов субъекта. В.Н.Дружинин рассматривает общую способность как «ресурс», характеризующий когнитивные возможности индивида. Когнитивный ресурс как теоретический конструкт объясняет проявление общего фактора интеллекта в индивидуальной продуктивности [Горюнова, Дружинин, 2000, 2001].

В исследованиях взаимозависимости формально-динамических (биологически обусловленных) параметров индивидуальности с выраженностью признаков посттравматического стресса у военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в Чечне, отмечено, что группы «Норма» и «ПТСР» значимо различаются по уровню эргичности в интеллектуальной сфере [Епутаев, Иконникова, 2003, с. 220–235]. Показано также, что существует взаимосвязь между тяжестью посттравматического стресса и успешностью выполнения когнитивных задач [Vasterling et al., 2002].

В центре внимания отечественных исследователей психологии совладания находится человек «совладающий» – субъект, и потому проблематика совладания неразрывно связана с психологией субъекта (А.В.Брушлинский, К.А.Абульханова, Л.И.Анцыферова, А.Л.Журавлев, В.В.Знаков, Е.А.Сергиенко и др.).

В настоящем исследовании субъектные характеристики были операционализированы через смысложизненные и ценностные ориентации. Роль этих структур в совладании со стрессом изучается в основном в рамках экзистенциально-гуманистического подхода (Дж.Бьюдженталь, Т.Грининг, Р.Мэй, В.Франкл, И.Ялом и др.). В данном направлении последствия экстремальной ситуации рассматриваются в широком контексте отношений человека с миром.

В экстремальной ситуации, «помимо физических, нервных и эмоциональных травм, угрозе подвергается наше право на жизнь, на личное благополучие. Возникает ощущение, что мир (включая людей) не оказывает значительной поддержки человеческой жизни в целом. Разрушается само наше представление о существовании. Существование в этом смысле включает все значимые структуры, которые свидетельствуют о том, что мы являемся ценной и жизнеспособной частью материи жизни» [Грининг, 1994].

Альфريد Лэнгле, рассматривая травму с экзистенциальной точки зрения, отмечает, что для ее переживания особенно значимы вопросы смысла [Лэнгле, 2009]. По мнению А.В.Серого и А.В.Полетаевой, психотравма вызывает процесс нарушения самосознания и главным пусковым фактором этого процесса является такое изменение в смысловой сфере личности, в результате которого травматическое событие, лишённое когнитивной переработки и не включённое в процесс осмысления, отделяясь от смысловой структуры личности, диссоциируется, превращаясь в автономное образование. Основной задачей деятельности психики в переработке травматического опыта в таком случае является не только смысловая переработка травмирующего события, но и его адекватное включение в смысловой контекст с формированием ценностного отношения личности [Серый, Полетаева, 2004].

Исходя из системного подхода к функционированию психики, нами было сделано предположение о том, что люди с различными индивидуальными особенностями нуждаются в различных ресурсах. В частности, предполагалось, что лица с высоким нейротизмом нуждаются в больших ресурсах, чтобы справиться с травмой. Поэтому у индивидов с высокой негативной эмоциональностью будет ярче проявлен вклад интеллекта и других характеристик в процесс совладания со стрессом. В связи с тем, что посттравматический стресс отличается сложным генезом, в котором участвуют как личностные свойства, так и ситуативные переменные (например, интенсивность боевого опыта), особый интерес представляет собой соотношение вклада ситуационных факторов и личностных свойств в развитие посттравматического стресса. В настоящем исследовании под ситуационным фактором понимается интенсивность боевого опыта.

Цель исследования заключалась в изучении взаимосвязи интеллекта, личностных и субъектных характеристик с интенсивностью посттравматического стресса у комбатантов.

Гипотезы исследования

Гипотеза 1: негативная эмоциональность по сравнению с ситуационными факторами (интенсивность травматического опыта) играет первичную роль в формировании посттравматического стресса.

Гипотеза 2: существует взаимосвязь между интеллектом и выраженностью признаков посттравматического стресса.

Гипотеза 3: интеллект как способность и смысло-ценностные ориентации опосредуют связь нейротизма и выраженности признаков посттравматического стресса.

Методы исследования

Исследование проводилось на базе Центра восстановительной терапии им. М.А.Лиходея (г. Руза). В экспериментальном исследовании приняли участие ветераны боевых действий в Афганистане и Чеченской Республике без признаков органического поражения и психических расстройств, без ранений или с ранениями легкой и средней степени тяжести в анамнезе.

Всего в исследовании приняли участие 155 человек (добровольцы), мужчины, средний возраст 41,8±6,3 года. Среди респондентов 97 человек (63%) имеют высшее образование, 54 человека (35%) – среднее и среднее специальное образование, 4 человека (2%) – незаконченное высшее образование.

Использовались следующие методики:

- 1) Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный вариант) [Практикум..., 2001];
- 2) методика «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» (СПМ Равена) [Равен, 2001; Равен и др., 1997, 2002];
- 3) Пятифакторный личностный опросник Big Five (форма S) в адаптации С.Д.Бирюкова;
- 4) Шкала оценки интенсивности боевого опыта Т.Кина [Практикум..., 2001];
- 5) Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [Леонтьев, 2000];
- 6) Опросник терминальных ценностей ОТЕЦ [Сенин, 1991].

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета программ SPSS 10.0.

Результаты исследования

Личностные особенности респондентов с выраженным посттравматическим стрессом

Из массива выборки была выделена группа испытуемых с высокими значениями посттравматического стресса (ПТС) – группа «выраженный ПТС». В группу вошел 31 человек (20% от общего количества исследуемых). Среднее значение по Миссисипской шкале составило 92,1±9,8 балла, что соответствует среднему значению по группе «ПТСР», полученному в исследованиях лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН [Практикум..., 2001, с. 144].

Результаты статистического анализа показали, что группа респондентов с высокими значениями ПТС значительно отличается от остальных участников выборки по таким личностным факторам, как «Нейротизм» (критерий Манна–Уитни U = 862,5, p = 0,000), «Экстраверсия» (U = 1448,0, p = 0,034) и «Склонность к согласию» (U = 1251,5, p = 0,003). Таким образом, лица, имеющие выраженные признаки посттравматического стресса, более интровертированы, имеют высокий уровень нейротизма и в меньшей степени склонны к компромиссам во взаимоотношениях с людьми по сравнению с группой «Норма».

Полученные результаты согласуются с данными других исследователей о том, что индивиды, обладающие высоким нейротизмом и интроверсией, сильнее реагируют на травму [Pitman et al., 1999]. Относительно достаточно низких значений по шкале «Склонность к согласию» отмечается, что ветераны с выраженными признаками посттравматического стресса чаще характеризуются повышенной импульсивностью, агрессивностью, некоторой враждебностью к другим лицам или обществу в целом, нежели ветераны из группы «Норма» [Byrne, Riggs, 1996; Jakupcak, Conybeare, Phelps et al., 2007; Колов, 2009]. Данные свойства в ситуации войны могут быть адаптивными, а в мирной жизни те же свойства, возможно, становятся источником жизненных трудностей.

Нейротизм и тяжесть психической травмы как предикторы посттравматического стресса

Для проверки гипотезы о соотношении ситуативных и личностных факторов в развитии посттравматического стресса был применен метод контрастных групп. Из общей выборки участников исследования были выделены две подгруппы; деление осуществлялось по медиане (см. табл. 1). В первую подгруппу вошли испытуемые с высоким нейротизмом и низким значением интенсивности боевого опыта (группа «Высокий нейротизм – низкая интенсивность боевого опыта», N = 35), во вторую – испытуемые с низким нейротизмом и высоким значением интенсивности боевого опыта (группа «Низкий нейротизм – высокая интенсивность боевого опыта», N = 41).

Таблица 1

Эмпирические значения U-критерия Манна–Уитни при сравнении групп «Высокий нейротизм – низкая интенсивность боевого опыта» и «Низкий нейротизм – высокая интенсивность боевого опыта»

Показатели	Группы						U	Уровень знач-ти р
	1			2				
	M ± SD	Md	R	M ± SD	Md	R		
Нейротизм	22,26±6,32	20	24	11,66±3,13	13	11	0,000	0,000
Интенсивность боевого опыта	10,37±3,07	11	13	18,24±2,14	18	7	0,000	0,000
Выраженность признаков ПТС	74,60±13,16	71	55	66,32±10,22	66	52	457,5	0,007

Группа 1: «Высокий нейротизм – низкая интенсивность боевого опыта».

Группа 2: «Низкий нейротизм – высокая интенсивность боевого опыта».

Статистический анализ показал, что указанные группы отличаются по уровню выраженности признаков посттравматического стресса. У ветеранов с высоким нейротизмом и низким уровнем интенсивности боевого опыта уровень выраженности признаков посттравматического стресса выше, чем у ветеранов с низким нейротизмом и тяжелым боевым опытом. Следовательно, негативная эмоциональность в большей степени предрасполагает к выраженным посттравматическим нарушениям, нежели интенсивность травмы.

Взаимосвязь интеллекта и посттравматического стресса

Результаты корреляционного анализа (по Пирсону) показали, что существует значимая, но невысокая отрицательная корреляция между выраженностью признаков посттравматического стресса и интеллектуальными показателями: количеством правильных ответов за единицу времени (общий балл по методике СПМ Равена) и сложностью выполненных задач (см. табл. 2).

Связь между нейротизмом и общим баллом по методике СПМ Равена обнаружена на уровне тенденции ($r = -0,138$, $p = 0,088$), значимой взаимосвязи между нейротизмом и сложностью выполненных задач по всей выборке выявлено не было ($r = -0,111$, $p = 0,168$).

Для проверки гипотезы об опосредовании интеллектом связи нейротизма и посттравматического стресса выборка была поделена на две группы по уровню нейротизма (см. табл. 2). Деление осуществлялось по медиане (15 баллов по шкале «Нейротизм» Пятифакторного личностного опросника), группы получили название «Низкий нейротизм» и «Высокий нейротизм».

Таблица 2

Группы «Высокий нейротизм» и «Низкий нейротизм»: описательные статистики и коэффициенты корреляции г-Пирсона между выраженностью признаков посттравматического стресса и интеллектуальными показателями (по тесту Равена)

Статистические показатели	Общая выборка (N = 155)	Подгруппы	
		«Низкий нейротизм» (N = 78)	«Высокий нейротизм» (N = 77)
M ± SD	16,28±6,76	11,23±2,90	21,40±5,59
Md	15	11,5	19
Коэффициенты корреляции показателей ПТС			
и общего балла по тесту Равена	-0,213**	-0,040	-0,370**
и сложности выполненных задач теста Равена	-0,180**	-0,030	-0,310**

** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

Далее в указанных группах был проведен корреляционный анализ показателей уровня выраженности признаков посттравматического стресса и интеллектуальных показателей. В группе респондентов с низким нейротизмом взаимосвязь между интеллектуальными показателями (общий балл и сложность выполненных задач по тесту СПМ Равена) и выраженностью признаков посттравматического стресса не обнаружена. В то же время в группе респондентов с высоким нейротизмом отмечена значимая обратно пропорциональная зависимость между этими показателями. Отличия по уровню посттравматического стресса у ветеранов с высоким нейротизмом и различным уровнем интеллекта показаны на рис. 1.

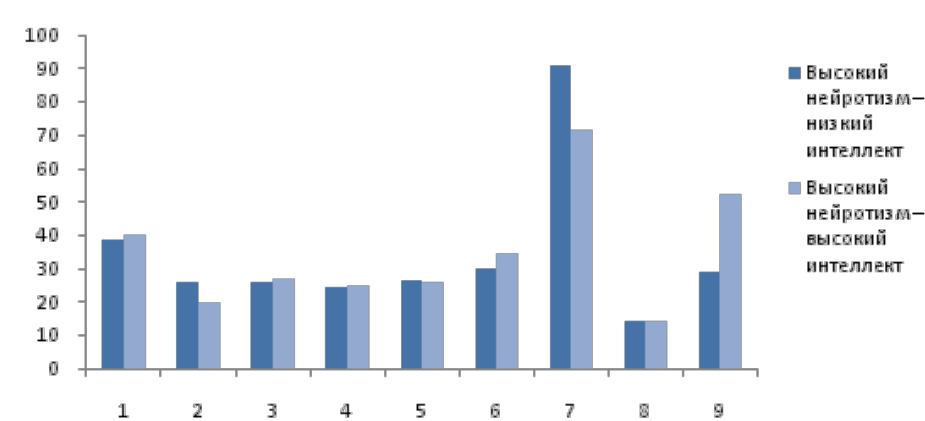

Рис. 1. Выраженность посттравматического стресса (ПТС) и личностных черт, интенсивность боевого опыта (ИБО) в группах «Высокий нейротизм / низкий интеллект» и «Высокий нейротизм / высокий интеллект».

Показатель 1 – возраст в годах; показатели 2–9 в баллах: 2 – нейротизм; 3 – экстраверсия; 4 – открытость опыту; 5 –

склонность к согласию; 6 – добросовестность; 7 – выраженность посттравматического стресса; 8 – интенсивность боевого опыта; 9 – уровень интеллекта.

Таким образом, показано, что у лиц с низким нейротизмом интеллект не связан с выраженностью признаков посттравматического стресса. Для лиц же с высокой негативной эмоциональностью травматическое воздействие оказывается более интенсивным и связано с большей вероятностью возникновения негативных последствий, и потому процесс совладания с посттравматическим стрессом требует *больших* ресурсов. У испытуемых с высокой негативной эмоциональностью интеллект включается в процесс совладания с боевым стрессом. Лица с более высоким интеллектом эффективнее перерабатывают травматическую информацию. При сочетании же высокого нейротизма и низкого интеллекта картина совладания с травматическим стрессом менее успешна.

Полученные нами данные согласуются с представлениями Айзенка о том, что черта «нейротизм / уравновешенность» отражает индивидуальные различия в тенденции к переживанию негативных аффектов: люди с высоким нейротизмом сообщают о существенно большем количестве переживаемых негативных аффектов, чем уравновешенные люди [Айзенк, Айзенк, 2001]. Лица с высокой степенью нейротизма, по всей видимости, реагируют на травматический опыт более интенсивно, следовательно, им требуется больше ресурсов для совладания.

Поскольку особенностью применяемого для диагностики психометрического интеллекта теста Равена является то, что его референтный показатель (согласно Дж.Равену-мл.) выявляет не просто способность находить закономерности в ряду геометрических фигур, но и «потенциал обучаемости», т.е. способность самообучаться в ходе интеллектуальной деятельности при отсутствии прямых инструкций [Равен и др., 1997], то мы можем говорить об имплицитной обучаемости как факторе совладания с посттравматическим стрессом. Согласно концепции ментального опыта М.А.Холодной, в особенностях имплицитной обучаемости проявляется действие непроизвольного интеллектуального контроля – компонента метакогнитивного опыта [Холодная, 2002, с. 129].

Остается открытым вопрос о том, приводит ли посттравматический стресс к снижению уровня когнитивного функционирования или же высокий уровень дотравматического интеллекта предрасполагает к более успешному совладанию с травмой. В настоящем исследовании не было возможности оценить уровень интеллекта до участия ветеранов в боевых действиях, но мы располагаем данными американских исследователей о взаимосвязи интеллекта ветеранов войн до участия в боевых действиях, текущего интеллекта и выраженности симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) [Macklin et al., 1998]. Авторы исследования показали, что низкий дотравматический интеллект увеличивает риск развития симптомов ПТСР. Таким образом, можно предполагать, что для лиц с высоким нейротизмом интеллект действительно является предиктором выраженности посттравматического стресса.

Взаимосвязь посттравматического стресса и субъектных характеристик личности

В настоящем исследовании изучалась взаимосвязь выраженности посттравматического стресса с такими субъектными характеристиками, как смысловые и ценностные ориентации личности.

Корреляционный анализ (по Пирсону), проведенный на общей выборке испытуемых ($N = 155$), обнаружил значимую взаимосвязь выраженности признаков посттравматического стресса со всеми смысловыми ориентациями (уровень значимости $p \leq 0,01$). Эти результаты согласуются с данными исследования А.В.Полетаевой, в котором показано различие структуры смысловых ориентаций на уровне статистически значимой тенденции по шкалам теста смысловых ориентаций «Цели в жизни», «Локус контроля – Жизнь» и «Общий показатель осмысленности жизни» между группами «Норма» и «ПТСР»: показатели осмысленности жизни у испытуемых группы «Норма» выше, чем у группы «ПТСР»; а также выявлены статистически достоверные связи признаков посттравматического стрессового расстройства и смысловых ориентаций [Полетаева, 2005]. В исследованиях Е.О.Лазебной и М.Е.Зеленовой было показано, что существуют статистически значимые различия между группами «адаптированных» и «деадаптированных» ветеранов по всем показателям опросника СЖО, имеющим отношение к активной вовлеченности обследуемых в организацию собственного посттравматического существования – по оценкам эмоциональной насыщенности и результативности жизни, а также по удовлетворенности самореализацией [Лазебная, Зеленова, 2007].

С выраженностью посттравматического стресса негативно взаимосвязаны следующие ценностные ориентации: «Сфера обучения и образования» и «Сфера общественной жизни» ($p \leq 0,05$). Таким образом, стремление индивида к повышению уровня своего образования, значимость для него проблем жизни общества способствует совладанию с посттравматическим стрессом.

Полученные данные, с одной стороны (учитывая сравнительно небольшое количество связанных с травматическим стрессом ценностных ориентаций), можно объяснить тем, что высокий уровень посттравматического стресса приводит к сужению ареала значимых для индивида ценностей, целей, сфер жизни. Тяжелые травматические переживания могут искажать видение реальности, сводя ценностный взгляд субъекта на себя как личность и окружающий мир до осознания лишь себя в травме. С другой стороны, значимость для индивида основных человеческих смыслов и ценностей позволяет снизить уровень посттравматического стресса. Значимые ценности позволяют индивиду взглянуть на травматическое событие с других граней, а не только из фокуса произошедшего, и дают возможность реализации своих травматических переживаний, например, в самообразовании или деятельности общественных организаций.

С целью проверки гипотезы об опосредовании субъектными характеристиками личности связи нейротизма с выраженностью посттравматического стресса был проведен сравнительный анализ наличия корреляционных взаимосвязей между ценностными, смысловыми ориентациями и выраженностью посттравматического стресса в группах испытуемых с высоким и низким нейротизмом (см. табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты корреляции г-Пирсона между выраженностью посттравматического стресса и смысловыми ориентациями в группах «Высокий нейротизм» и «Низкий нейротизм»

Показатели теста СЖО	Группы, контрастные по выраженности признаков посттравматического стресса	
	«Высокий нейротизм»	«Низкий нейротизм»
Осмысленность жизни	-0,516**	-0,134
Цели в жизни	-0,435**	-0,142
Процесс жизни	-0,456**	-0,148
Результативность жизни	-0,558**	-0,134
Локус контроля – Я	-0,312**	-0,151
Локус контроля – Жизнь	-0,513**	-0,162

** – уровень значимости $p \leq 0,01$.

Результаты, приведенные в табл. 3, показывают, что в группе «Высокий нейротизм» обнаружены значимые отрицательные корреляции между выраженностью посттравматического стресса и смысловыми ориентациями, в группе «Низкий нейротизм» значимых корреляций между этими показателями нет. Таким образом, результаты нашего исследования дополняют уже имеющиеся в отечественной литературе данные о взаимосвязи осмысленности жизни и выраженности посттравматического стресса тем, что существенное значение в совладании с травмой осмысленность жизни начинает приобретать именно у лиц с выраженной негативной эмоциональностью.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции г-Пирсона между выраженностью посттравматического стресса и ценностными ориентациями в группах «Высокий нейротизм» и «Низкий нейротизм»

Показатели теста ОТеЦ	Группы, контрастные по выраженности признаков посттравматического стресса	
	«Высокий нейротизм»	«Низкий нейротизм»
Ценностные ориентации		
Собственный престиж	-0,153	0,072
Высокое материальное положение	-0,093	0,119
Креативность	-0,063	-0,074
Активные социальные контакты	-0,023	0,019
Развитие себя	-0,171	0,054
Достижения	-0,175	0,051
Духовное удовлетворение	-0,109	-0,001
Сохранение собственной индивидуальности	-0,178	0,066
Жизненные сферы		
Сфера профессиональной жизни	-0,056	0,072
Сфера обучения и образования	-0,150	-0,010
Сфера семейной жизни	0,142	0,084
Сфера общественной жизни	-0,218	0,129
Сфера увлечений	-0,068	-0,028

Данные табл. 4 показывают, что не отмечено значимых корреляционных связей между терминальными ценностями и посттравматическим стрессом ни в группе респондентов с высоким нейротизмом, ни в группе респондентов с низким нейротизмом. Таким образом, гипотеза об опосредующей роли ценностно-смысловых ориентаций во взаимосвязи выраженности посттравматического стресса с личностными особенностями комбатантов подтвердилась лишь частично: совладание со стрессом испытуемых, характеризующихся негативной эмоциональностью, в некоторой степени обусловлено включением в этот процесс конгломерата смысловых ориентаций.

Полученные данные можно обобщить в виде корреляционных плеяд по группам «Высокий нейротизм» и «Низкий нейротизм» (см. рис. 2 и 3).

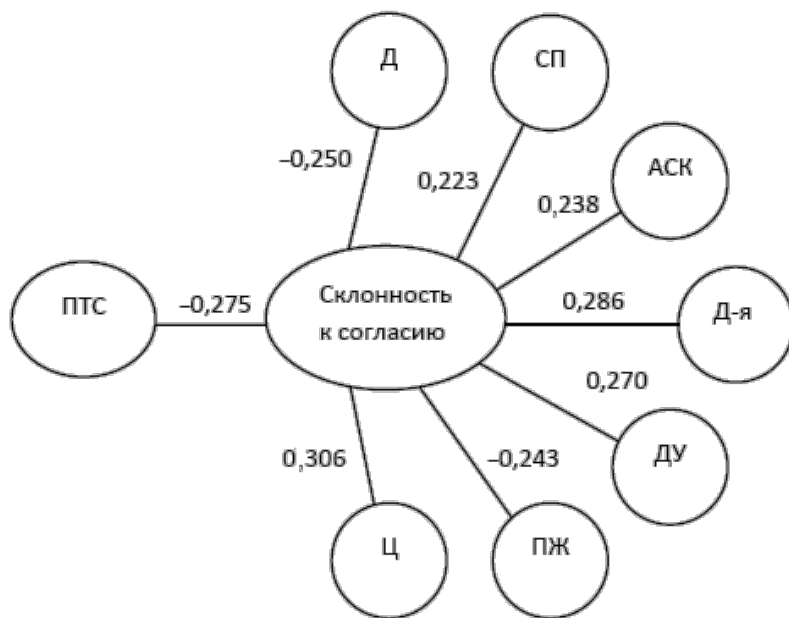

Рис. 2. Корреляционная плеяда взаимосвязей в группе респондентов с низким нейротизмом (N = 78).

Сокращения: ПТС – Посттравматический стресс; Д – Добросовестность; СП – Собственный престиж; АСК – Активные социальные контакты; Д-я – Достижения; ДУ – Духовное удовлетворение; ПЖ – Сфера профессиональной жизни; Ц – Цели в жизни.

Как видно из рис. 2, испытуемые с низким уровнем нейротизма характеризуются единичной отрицательной корреляцией выраженности посттравматического стресса с личностным фактором «Склонность к согласию».

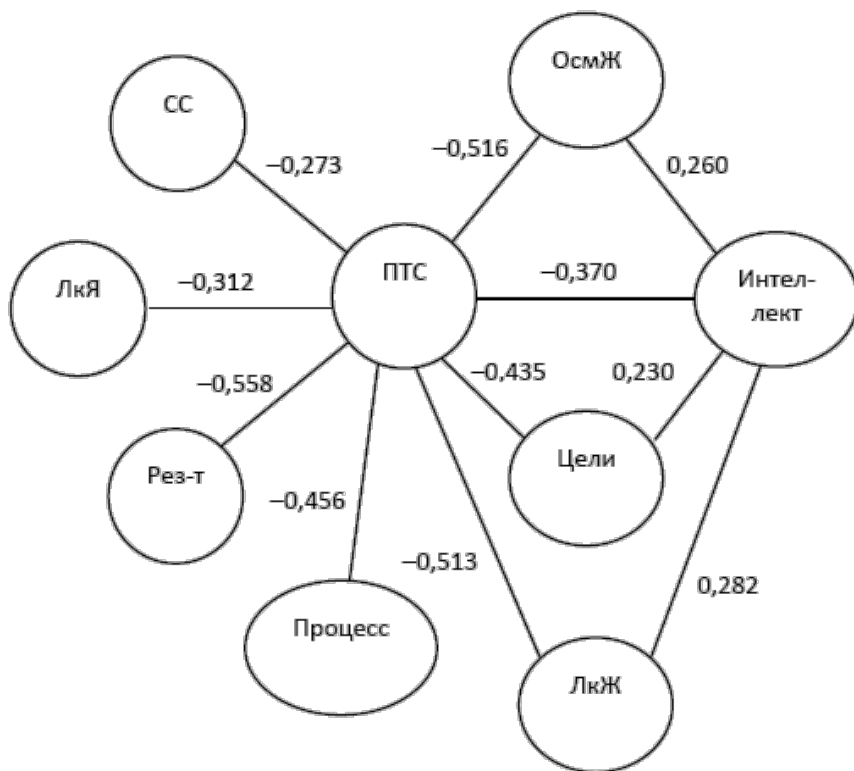

Рис. 3. Корреляционная плеяда взаимосвязей в группе респондентов с высоким нейротизмом (N = 77).

Сокращения: ПТС – Посттравматический стресс; СС – Склонность к согласию; ЛкЯ – Локус контроля-Я; Рез-т – Результативность жизни, или удовлетворенность самореализацией; Процесс – Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни; ЛкЖ – Локус контроля-Жизнь; Цели – Цели в жизни; ОсмЖ – Осмысленность жизни.

В группе респондентов с высоким нейротизмом можно увидеть отличную картину (см. рис. 3). Эти испытуемые характеризуются более многочисленными корреляциями показателей посттравматического стресса с когнитивными, личностными и ценностными структурами. Так, в отличие от респондентов с низким нейротизмом, выраженность признаков посттравматического стресса у лиц с высокой негативной эмоциональностью значимо отрицательно коррелирует с уровнем интеллекта, смысловыми ориентациями (показатели «Осмысленность жизни», «Цели в жизни», «Локус контроля –

Жизнь») и чертой личности «Склонность к согласию».

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что ветераны с выраженным посттравматическим стрессом отличаются от остальных участников боевых действий большей интровертированностью, импульсивностью и более высоким уровнем нейротизма. Индивиды, склонные к независимости, обособленности от социума, принимающие решения без оглядки на окружающих (часто значимых близких) людей, хуже справляются с травматическим опытом. Часто участники боевых действий противопоставляют себя окружающему миру и близким им людям, поскольку тем не довелось столкнуться со столь трагическими ситуациями. Замкнутость на себе и пережитом военном опыте, который невозможно перенести на жизнь вне войны, не позволяет некоторым ветеранам принять поддержку окружающих. Склонность к интроверсии делает менее вероятной возможность активного поиска специализированной помощи. Подобные особенности личности могут заострять тяжесть травмы и приводить к усугублению признаков посттравматического стресса.

Наши данные относительно более высокого уровня нейротизма у респондентов с выраженным посттравматическим стрессом согласуются с данными отечественных и зарубежных ученых (см., например, [Pitman et al., 1999]).

Анализ результатов настоящего исследования показал, что негативная эмоциональность имеет преимущественное значение в его формировании по сравнению с ситуационными факторами (интенсивность боевого опыта). Посттравматический стресс как психическое состояние является результатом сложного взаимодействия биологических, психологических и социальных факторов. Результаты настоящего исследования акцентируют ведущую роль индивидуальных характеристик, а именно негативной эмоциональности, в формировании данного состояния.

По данным исследования, выраженность посттравматического стресса и уровень интеллекта взаимосвязаны. При этом низкий уровень интеллекта отмечается у лиц с высоким уровнем нейротизма. Индивиды с низким нейротизмом являются эмоционально более устойчивыми к воздействиям стрессогенных факторов, и потому процесс совладания с травмой не требует дополнительных когнитивных ресурсов. Индивиды с высоким нейротизмом отличаются способностью к интенсивным и сверхинтенсивным реакциям на травматические события, и им требуются дополнительные ресурсы совладания со стрессом.

Травматическая ситуация по своей сути – это опыт, выходящий за рамки повседневной жизни, и чтобы справиться с ней, индивиду по определению может быть недостаточно тех способностей и способов совладания со стрессом, которые он применял ранее. Поэтому в посттравматическом периоде, после возвращения ветерана к мирной жизни, когда он сталкивается со многими проблемами (регуляцией своего эмоционального состояния, адаптацией к социуму и т.д.), для того чтобы справиться с ними, ему необходимо выйти *за рамки* прежнего опыта. По всей видимости, это и является задачей интеллекта (интеллекта как способности к имплицитной обучаемости, согласно Дж. Равену-мл.).

Человек, возвращаясь из района боевых действий, сталкивается с целым комплексом сложностей, внутриличностных и межперсональных. Первая группа сложностей обусловлена тем, что травма внедряется в эмоциональное состояние индивида, что выражается в навязчивых переживаниях по поводу травматического события, стремлении избегать любых ситуаций, напоминающих травматическое событие, в повышенной эмоциональной возбудимости. Межперсональные трудности заключаются в том, что новоприобретенные черты, являвшиеся адаптивными в экстремальных ситуациях, мешают взаимопониманию участника боевых действий с окружающими людьми, что проявляется в разных сферах жизни: семейной, профессиональной и т.д. При этом проблемы, связанные с адаптацией к мирной жизни, могут усугублять постстрессовые переживания.

Возможность сознательного умственного манипулирования элементами проблемной ситуации позволяет увидеть проблему с разных ракурсов, найти новые подходы к ее решению, определить те ресурсы, которые помогут с ней справиться. Вероятно, интеллект позволяет и уже имеющиеся у индивида ресурсы совладания осознать в каком-то новом ключе. С точки зрения онтологической теории интеллекта успешность совладания с травмой лиц, обладающих более развитым интеллектом, может быть объяснена действием механизма произвольного интеллектуального контроля, составляющей метакогнитивного опыта субъекта. По мнению М.А.Холодной, открытая познавательная позиция как следствие хорошо организованного метакогнитивного опыта позволяет индивиду использовать более широкий спектр способов совладания с трудной ситуацией [Холодная, 2009].

При изучении вклада субъектных характеристик в процесс совладания со стрессом показано, что выраженность посттравматического стресса взаимосвязана со всеми смысложизненными ориентациями. Ценностные ориентации, в свою очередь, значимо коррелируют со смысложизненными. Исходя из этого, можно предположить, что влияние ценностных ориентаций индивида на совладание с последствиями пережитого стресса опосредуется смысложизненными ориентациями. По всей видимости, не имеет значения, какая ценность является ресурсом, но если она переживается и осознается индивидом как ценность, то становится смыслом. Важна не специфика ценности, а ее осмысленное переживание; такие ценности могут преобразоваться в смыслы и тем самым стать ресурсами для совладания с травматическим опытом. Данный вывод перекликается с мнением В.Франкла, согласно которому человек обретает смысл жизни, переживая определенные ценности [Франкл, 1990]. При исследовании взаимоотношения смысложизненных ориентаций с выраженностью признаков посттравматического стресса обнаружено, что данные субъектные характеристики опосредуют связь посттравматического стресса и нейротизма.

Полученные результаты подтверждают многочисленные данные о связи интеллекта и аффекта, а также о системном строении адаптационных ресурсов человека, характеризующихся взаимосвязью и взаимовлиянием различных частей этой системы друг на друга.

Выводы

1. У ветеранов с выраженным посттравматическим стрессом наблюдается более высокий уровень нейротизма, низкий уровень экстраверсии и склонности к согласию по сравнению с остальными участниками боевых действий.
2. Тяжесть военной травмы (интенсивность боевого опыта) и нейротизм (негативная эмоциональность) являются предикторами посттравматического стресса, при этом негативная эмоциональность играет ведущую роль в его формировании.
3. Уровень интеллекта отрицательно связан с выраженностью посттравматического стресса.
4. Для лиц с высокой негативной эмоциональностью характерна сложная ресурсная структура совладания. Так, взаимосвязь нейротизма и посттравматического стресса опосредована уровнем интеллекта и смысловыми ориентациями: у участников боевых действий с высоким нейротизмом, в отличие от ветеранов с низким нейротизмом, интеллектуальные способности и значимость смысловых ориентаций отрицательно взаимосвязаны с выраженностью посттравматического стресса.

Литература

Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999.

Айзенк Г., Айзенк М. Исследования человеческой психики. М.: Эксмо-Пресс, 2001.

Бодров В.А. Проблема преодоления стресса: Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Т. 27, N 2. С. 113–123.

Вигура Е.А., Львов В.М. Методический подход к формированию позитивной активности личности в негативных условиях деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. N 3. С. 47.

Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы ресурсной модели общего интеллекта // Психологический журнал. 2000. Т. 21. N 4. С. 51–64.

Горюнова Н.Б., Дружинин В.Н. Операциональные дескрипторы когнитивного ресурса и продуктивность решения тестовых задач и задач-головоломок // Психологический журнал. 2001. Т. 22. N 4. С. 21–29.

Грининг Т. Посттравматический стресс с позиций экзистенциально-гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1994. N 1. С. 92–96.

Епутаев Я.Ю., Иконникова М.Е. Взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности с выраженностью признаков посттравматического стрессового расстройства // Психология: современные направления междисциплинарных исследований: материалы науч. конф., посвященной памяти чл.-кор. РАН А.В.Брушлинского, 2 октября 2002 г. / Рос. академия наук, Институт психологии; отв. ред. А.Л.Журавлев, Н.В.Тарабрина. М.: ИП РАН, 2003.

Колов С.А. Многофакторная модель деструктивного агрессивного поведения у ветеранов боевых действий // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 11, Медицина. 2009. Вып. 3. С. 72–77.

Лазебная Е.О. Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г.Дикая, А.Л.Журавлев. М.: ИП РАН, 2007. С. 561–575.

Лазебная Е.О., Зеленова М.Е. Субъектные и ситуационные детерминанты успешности процесса посттравматической стрессовой адаптации военнослужащих // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г.Дикая, А.Л.Журавлев. М.: ИП РАН, 2007. С. 576–589.

Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.

Лэнгле А. Травма и смысл. Против утраты человеческого достоинства // С собой и без себя. Практика экзистенциально-аналитической психотерапии: сб. статей. М.: Генезис, 2009. С. 163–187.

Поляева А.В. Трансформация смысловой сферы личности в отдаленном периоде переживания травматического события // Вестник Кемеровского государственного университета. N 2 (22). Кемерово: ЮНИТИ, 2005.

Практикум по психологии посттравматического стресса / под ред. Н.В.Тарабриной. СПб.: Питер, 2001.

Равен Дж.К. Стандартные Прогрессивные Матрицы. М.: Когито-Центр, 2001.

Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 1. Общая часть руководства: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 1997.

Равен Дж.К., Курт Дж.Х., Равен Дж. Руководство к Прогрессивным Матрицам Равена и Словарным Шкалам. Раздел 3. Стандартные Прогрессивные Матрицы (включая Параллельные и Плюс версии): пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2002.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2006.

Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика»: Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1991.

Серый А.В., Полетаева А.В. Ценностно-смысловые ориентации личности как фактор переживания последствий психологической травмы [Электронный ресурс] // Социальная работа в Сибири: сб. науч. трудов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 137–141. URL: <http://www.hpsy.ru/public/x2626.htm> (дата обращения: 10.07.2010).

Соловьев И.В. Посттравматический стрессовый синдром: причины, условия, последствия. Оказание психологической помощи и психореабилитация. М., 2000.

Тарабрина Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал. 2003. Т. 24, N 4. С. 5–18.

Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2008.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб., 2002.

Холодная М.А. Интеллект как ресурс совладающего поведения [Электронный ресурс]: видеозапись доклада на Ежегодной итоговой научной сессии ИП РАН (2008) 12.02.2009]. URL: http://www.univertv.ru/video/psihologiya/obwaya_i_kognitivnaya_psihologiya/intellekt_kak_resurs_sovladayuwego_povedeniya/ (дата обращения: 10.10.2010).

Byrne C.A., Riggs D.S. The cycle of trauma: Relationship aggression in male Vietnam veterans with symptoms of posttraumatic stress disorder // *Viol. Vict.* 1996. N 11. P. 213–225.

Hart J.Jr., Kimbrell T., Fauver P., Cherry B.J., Pitcock J., Booe L.Q., Tillman G., Freeman T.W. Cognitive dysfunctions associated with PTSD: evidence from World War II prisoner of war // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2008. Vol. 20. P. 309–316.

Jakupcak M., Conybeare D., Phelps L. et al. Anger, hostility and aggression among Iraq War veterans reporting PTSD and subthreshold PTSD // *J. Tram. Stress*. 2007. N 20. P. 945–954.

Linley P.A. Positive Adaptation to Trauma: Wisdom as Both Process and Outcome // *J. Tram. Stress*. 2003. Vol. 16, N 6. P. 601–610.

Macklin M.L., Metzger L.J., Litz B.T., McNally R.J., Lasko N.B., Orr S.P., Pitman R.K. Lower precombat intelligence is a risk factor for posttraumatic stress disorder // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1998. Vol. 66, N 2. P. 323–326.

McNally R.J. Cognitive abnormalities in post-traumatic stress disorder // *Trends in Cognitive Sciences*. 2006. Vol. 10, N 6. P. 271–277.

Pitman R.K., Shalev A.Y., Orr S.P. Posttraumatic stress disorder: emotion, conditioning and memory // Gazzaniga M. (Ed.). *The new cognitive neurosciences*. 2nd ed. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1999. P. 1133–1147.

Saign P.A., Yasik A.E., Oberfield R.A., Halaman-Daris P.V., Bremner J.D. The intellectual performance of traumatized children and adolescents with or without posttraumatic stress disorder // *Journal of Abnormal Psychology*. 2006. Vol. 115. P. 332–340.

Vasterling J.J., Duke L.M., Brailey K., Constans J.I., Allain A.N.Jr., Sutker P.B. Attention, Learning, and Memory Performances and Intellectual Resources in Vietnam Veterans: PTSD and No Disorder Comparisons // *Neuropsychology*. 2002. Vol. 16, N 1. P. 5–14.

Поступила в редакцию 8 августа 2010 г. Дата публикации: 27 октября 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Лочехина Людмила Ивановна. Соискатель ученой степени кандидата психологических наук, лаборатория психологии

посттравматического стресса, Институт психологии Российской академии наук, Москва; психолог-консультант, кадровое агентство «Центр "ПРОФИТ"», пр. Троицкий, д. 52, офис 1025, 163000 Архангельск, Россия.
E-mail: lochehina@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Лочехина Л.И. Связь посттравматического стресса с интеллектом и смысло-ценностными ориентациями [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421000116/0048.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)